

Улыбка на губах Ань Чанцина стала шире. Оперев подбородок о ладонь, он с улыбкой посмотрел на мужа. Разумеется, он знал, что поместье вовсе не бедствовало. В прошлой жизни, когда Сяо Чжигэ взошел на престол, казна оказалась пуста из-за безудержного расточительства прежнего императора. И как раз в то время на северную границу совершили набег бэйдийцы. Стояли лютые морозы, у воинов не было даже пропитания, и ходили слухи, что им приходилось пускать на мясо боевых коней. Тогда именно Сяо Чжигэ велел вывезти из своего поместья сундуки с золотом и серебром и отправить их на границу на жалованье армии. В то время Ань Чанцин жил в поместье почти безвыездно и знал лишь о том, что сундуки за сундуками увозят прочь, но это было лишь временным спасением. Позже Сяо Чжигэ казнил группу чиновников и при обыске их домов конфисковал несколько миллионов лян серебра, которые целиком отправил на границу. Лишь после этого затяжная многомесячная война завершилась тяжелой победой. Именно поэтому сотни тысяч воинов Да Е преданно служили Сяо Чжигэ до конца. Но с тех самых пор в народе за ним закрепилась молва как о тиране и деспоте. Простые люди были темны: они видели лишь, как он казнят и отбирает имущество, но не понимали, что если бы не те миллионы лян, добытые при обысках, голодные воины на границе не смогли бы сдержать железную конницу бэйдийцев. И тогда свирепые, жестокие бэйдийцы прорвались бы от самой границы прямо к Ецзину.

Воспоминания о прошлой жизни бурлили в груди. Ань Чанцин поднял взгляд на Сяо Чжигэ и с улыбкой произнес:

— Если князь так доверяет мне, я не могу его подвести.

Сяо Чжигэ ненадолго замер. Решив, что юноша просто боится ударить в грязь лицом, он ровно отозвался: «Не подведешь» — и отправился в купальню. Вымывшись, он уступил место Ань Чанцину. Когда тот, шлепая деревянными сабо, вышел из купальни, Сяо Чжигэ уже расстелил постель и полулежал с края с книгой в руках.

Заметив его, князь отложил книгу на изголовье и похлопал по постели рядом с собой:

— Забирайся, снаружи холодно.

На самом деле под полом горели печи, так что в комнате вовсе не было холодно. Однако Ань Чанцин не стал возражать. Он послушно перешагнул через него, забрался на внутреннюю половину кровати и лег. Укутавшись в одеяло, он почувствовал, что постель была невероятно теплой. Ань Чанцин взглянул на невозмутимого мужчину и сжал губы в улыбке. Это теплое одеяло явно согрел для него сам Бэйчжань-ван.

Прожив с ним всего три дня, Ань Чанцин уже понял, что этот человек предпочитает молча делать дело. Если его не спросить, он ни за что не скажет ни слова — воистину нескладный и неуклюжий.

Завернувшись в одеяло, Ань Чанцин почувствовал убаюкивающее тепло, но все равно не удержался и подвинулся ближе к мужу. Лишь уткнувшись ему в грудь и положив голову на его руку, он умиротворенно затих.

Сяо Чжигэ обнял этот теплый комочек в своих руках, чувствуя одновременно радость и беспомощность. Ему оставалось лишь погасить светильник и крепче прижать его к себе:

— Спи.

— Не спится, — Ань Чанцин укроченно зажмурился от приятного тепла и тихо шепнул: — Вы так и не сказали мне, как поступить с Фэйцуй.

Днем Сяо Чжигэ велел ему подумать самому, но так и не раскрыл ответа.

Сяо Чжигэ опустил голову, уткнувшись подбородком ему в макушку:

— А сам как думаешь?

Ань Чанцин немного помедлил и неуверенно предложил:

— Хитростью раскрыть личность Фэйцуй супругам Ань Чжишоу?

Сяо Чжигэ качнул головой:

— Не то время. Ань Чжикэ с легкостью снимет с себя подозрения, и мы не сможем вбить клин между братьями.

— И что же делать?

— Ждать, — ответил Сяо Чжигэ. — Когда Ань Чанци умрет, тогда и раскроем личность Фэйцуй. Оставшееся Ань Чжишоу с женой расследуют сами. — Помолчав, он добавил: — Люди куда охотнее верят тому, до чего додумались сами.

— А если Ань Чанци не умрет? — удивился Ань Чанцин.

Сяо Чжигэ посмотрел на него в темноте, его голос слегка понизился:

— Он не проживет дольше завтрашнего вечера.

Он согласился сохранить Ань Чанци жизнь лишь потому, что всё уже рассчитал. Лишиться руки, ноги и мужского достоинства, да еще и при такой задержке в оказании помощи... Тот не выжил бы, даже будь лекарь самым бессмертным небожителем. Это был лишь вопрос времени.

Ань Чжикэ ничего не смыслил в медицине, а вот Сяо Чжигэ, прошедший много лет в армии, прекрасно знал о подобных вещах.

Ань Чанцин потрясенно распахнул глаза:

— Так вы все просчитали с самого начала? Но что если супруги Ань Чжишоу все равно не поверят? У нас ведь нет доказательств.

— Лекарь, который лечит Ань Чанци, из аптеки «Дэжэньтан», — произнес Сяо Чжигэ, чувствуя, как прижимается к нему гибкое тело. — А аптека «Дэжэньтан» — это заведение семьи госпожи Ли.

Неизвестно, как поступит Ань Чжишоу после смерти сына, но вот его жена, госпожа Сунь, души не чаяла в сыне. В горе и отчаянии она непременно захочет сорвать злобу на ком-то. Связываться с поместьем Бэйчжань-вана она не посмеет, но если в этот момент узнать, что прислуживающая у постели Фэйцуй — лазутчица, приставленная Ань Чжикэ к Ань Чанци, госпожа Сунь неизбежно заподозрит неладное. И если она станет копать дальше, то обнаружит, что даже лекарь, врачующий её сына, подослан госпожой Ли.

Тогда ей даже не понадобятся неопровержимые доказательства, чтобы обратить весь свой гнев против Ань Чжикэ.

Женщина, только что потерявшая ребенка, страшна в гневе. К тому же Ань Чжишоу всегда

уступал жене. Стоит ей поднять шум, как в резиденции канцлера надолго прервется покой. А истинные виновники — Сяо Чжигэ и Ань Чанцин — останутся ни при чем.

Настоящий ход, убивающий сразу трех зайцев.

Ань Чанцин лишь спустя некоторое время пришел в себя от изумления и с глубоким восхищением посмотрел на него:

— Так вот почему вы тогда не позволили мне убить Ань Чанци?

Сяо Чжигэ погладил его по спине, в его тоне прозвучала нотка назидания:

— Уничтожить врага ценой собственных потерь — нелучший способ.

Ань Чанцин опустил глаза, на мгновение задумался и кивнул:

— Я понял.

Сяо Чжигэ погладил его по голове:

— Спи. Завтра додумаешь.

На следующий день Сяо Чжигэ снова отправился в лагерь тренировать войска. Вскоре после того, как Ань Чанцин проводил его, Ван Фугуй привел сводницу-торговку слугами.

Торговка привела десятерых юношей с прическами-цзунцзяо. Все они были тщательно отобраны, одеты в простые холщовые рубахи и штаны и выглядели весьма бодро.

Ань Чанцин расспросил каждого по очереди и выбрал четверых самых скромных и честных с виду ребят. Однако он не стал отправлять их на работы во дворе, а велел Ван Фугую найти учителя, чтобы тот обучил их грамоте.

Ван Фугуй не понял этого шага, решив, что молодой хозяин просто не умеет обращаться со слугами, и попытался отговорить его:

— Это ведь всего лишь простые слуги. Если учить их грамоте, то со временем они лишь наберутся спеси да возомнят о себе лишнее.

— У меня свои планы, — отрезал Ань Чанцин. — Дворецкий Ван, вам нужно лишь найти человека, который научит их читать и писать.

Ван Фугуй хотел было сказать что-то еще, но вспомнил вчерашние слова Сяо Чжигэ и не посмел перечить, лишь смущенно замолчал.

Устроив четверых слуг, Ань Чанцин спросил:

— Когда будут готовы счетные книги поместья и лавок?

Ван Фугуй запнулся и с сомнением произнес:

— Счетные книги за прошлые годы... На то, чтобы всё привести в порядок, потребуется еще некоторое время.

— Не страшно. Сначала принесите мне те, что уже готовы, — Ань Чанцин сбросил улыбку и холодно посмотрел на него. — Раз уж князь доверил мне ведение дел в поместье, мне нужно скорее войти в курс дела. Иначе, если князь спросит, меня же и обвинят.

Лицо Ван Фугуя скривилось от досады — он понимал, что это была явная предостерегающая оговорка. Судя по его наблюдениям за последние два дня, новый ванфэй был в фаворе у князя, так с чего бы тому его упрекать?

Вспомнив о счетах в лавках, дворецкий покрылся холодным потом, стиснул зубы и вымолвил:

— Через три дня ваш покорный слуга повелит всё закончить и принести вам.

Лишь тогда Ань Чанцин остался удовлетворен и отослал его.

После обеда Ань Чанцин снова вышел из дома, прихватив с собой Ань Фу. Людей, о которых говорил Сяо Чжигэ, ему пока не выделили, единственный верный Чжао Ши остался в резиденции канцлера, так что рядом с ним был только Ань Фу.

Ань Чанцин переоделся в простую одежду, велел кучеру запрячь экипаж и отправился к винной лавке на Западном рынке.

На Западном рынке располагалось множество публичных домов и игорных притонов — это было место скопления самого разношерстного люда. Ань Чанцин незаметно вошел в винную лавку, снял отдельный кабинет и велел Ань Фу привести нескольких пожилых нищих.

У Ань Фу было странное выражение лица, но, помня, что его молодой господин в последнее время стал сам себе на уме, он не посмел расспрашивать и с поклоном вышел. Вскоре он вернулся, приведя двоих оборванных нищих.

Ань Чанцин сидел за ширмой. Нищие лишь смутно видели силуэт человека и не смели поднимать глаз. Они робко поклонились и произнесли:

— Чем можем служить благородному господину?

— Знаете ли вы У Цзюньшу, побочного сына маркиза Чжунъюна? — тихо спросил Ань Чанцин.

Оба нищих переглянулись, и тот, что был постарше, осторожно ответил:

— Слыхали кое-что.

Ань Чанцин кивнул и велел Ань Фу достать пять лянов серебра:

— Следите за ним и докладывайте мне обо всем до мельчайших подробностей. Задаток — пять лянов, а когда дело будет сделано, получите еще пятнадцать.

Увидев пять лянов серебра, глаза нищих засияли. Они упали на колени и стали непрерывно бить челом и благодарить.

Ань Чанцин строго добавил:

— Главное — не попадитесь ему на глаза.

<http://bllate.org/book/18381/1767597>